

К 400-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. ШЕКСПИРА

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ГЕНИЙ

Белинский о Шекспире

23 апреля отмечается 400 лет со дня рождения великого английского драматурга Вильяма Шекспира, создателя бессмертных трагедий «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», ярких жизнерадостных комедий «Двенадцатая ночь», «Укрощение строптивой» и других.

Шекспир жил и творил в эпоху Возрождения, и в его произведениях ярко отразилась пора великих открытий и великих дерзаний, со всеми ее противоречиями, взлетами и трагедиями. Шекспир сам совершил одно из величайших открытий эпохи — «открытие человека»: он глубже, чем все его современники, проник во внутренний мир человека, глубже осознал связь человека с внешним миром.

Творчество Шекспира, отражающее жизнь многосторонне, во всех планах — нравственном, психологическом, общественно-социальном, — было глубоко реалистично в самой своей сущности. Вот почему на протяжении веков к нему обращены взоры многих писателей, мыслителей и художников, для которых он явился образцом, эталоном; вот почему имя Шекспира было написано на знаменах различных литературных направлений; вот почему его драмы уже более

трех столетий не сходят со сцен театров всего мира.

«Кто поймет Шекспира, перед тем исчезают всякие другие авторитеты в поэзии — он выше всех, — а между тем преклонение перед Шекспиром становится ли поэта в такое зависимое от него положение, как поклонение Байрону или Мильтону, (Жорж Санду или Руссо?) — нет, кто поклоняется этим поэтам, чувствует непреодолимую склонность подражать им, и истинно талантливые люди делались мильтонистами или (руссоистами, жорж-сандистами или) байронистами, — но понимать Шекспира — значит чувствовать в себе непреодолимый позыв к самостоятельному творчеству, быть чуждым всякой мысли о подражании кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру»¹. Эти слова принадлежат Н. Г. Чернышевскому. Глубокие и оригинальные высказывания о творчестве Шекспира мы находим и в сочинениях Герцена и Добролюбова. Шекспир в оценке русской революционно-демократической критики — одна из

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 125—126.

интересных страниц русской шекспирианы. И самыми значительными в этом отношении являются воззрения на Шекспира В. Г. Белинского.

* * *

Белинский писал о Шекспире много, писал с интересом, с увлечением. Специально Шекспиру была посвящена только одна статья «Гамлет, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», но многочисленные высказывания Белинского о Шекспире разбросаны по различным статьям и рецензиям, рассыпаны в письмах к Боткину, Бакунину и другим. Собранные воедино, эти высказывания убеждают в том, что перед нами не отдельные замечания иллюстративного характера, а стройная система взглядов. Белинский ценит Шекспира за его реализм, полноту охвата действительной жизни, за идейное богатство его драм.

«Каждая драма его есть самое верное, самое точное описание события, случившегося в действительном мире... Ни одно лицо его драмы не скажет ни одного слова, которого бы оно не должно было сказать, т. е. которое не вышло бы из его характера, из всей полноты его природы»¹.

Белинский видит в Шекспире не только поэта-реалиста, но и поэта народного, не на паркетe приобретшего «свой мирсообъемлющий взгляд на человеческую природу» (II, 172), поэта-гуманиста, т. к. «знакомство с драмами Шекспира показало, что всякий человек, на какой бы низкой ступени общества... ни стоял он, имеет полное право на внимание искусства потому только, что он человек» (X, 242).

Борьба, которую вел критик за реалистические пути в русской драме, за драму Грибоедова, Пушкина, Гоголя, страстная мечта Белинского о русском

народном театре, непримиримость, с которой он обрушивался на «приторную» «фарисейски-патриотическую» драму Полевого и ее защитников в лице Булгарина, Греча, Межевича, — еще более усиливали его интерес к творчеству великого английского драматурга. Шекспир был поэтом жизни. И для Белинского это было всегда самым важным и в 30-е годы, и в 40-е. Но в 40-е годы изменилось у критика самое содержание понятия жизнь, оно приобрело конкретный социально-исторический характер, и в связи с этим углубилось и обогатилось понимание реализма вообще и творчества Шекспира в частности. Но важно и другое, важно то, что и Шекспир сыграл определенную роль в развитии эстетических взглядов Белинского, способствовал его отходу от идеализма.

Об этом достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют письма Белинского конца 30-х начала 40-х годов и та борьба за Шекспира, которую в это время вел критик на страницах русских журналов и газет.

Конец 1839, начало 40-х годов — это время, когда интерес Белинского к Шекспиру особенно велик. Именно к этому времени относится более половины всех упоминаний имени Шекспира в письмах Белинского.

«Двенадцатую ночь» прочел — чудо, прелесть, только самый тяжелый гений может создавать такие легкие вещи», — пишет он Боткину (XI, 578, письма, декабрь 1840).

«Прочел три акта «Антония и Клеопатры». — Творец небесный, неужели и Шекспир сгнил — и только? Бога ради, Боткин, скажи мне, есть ли у Шекспира хоть что-нибудь, не говорю дрянное, а не великое, не божественное?» (XI, 540, письма, август 1840). Вальтер Скотт и Купер — «велики, но когда читаешь Шекспира, об них и думать не хочется — малы и обыкновенны. Недавно опять прочел вслух «Ричарда II» (XI, 530, письма, июнь 1840). «Пожалуйста, пришли мне, — просит Белинский Боткина в другом письме, — несколько сводок перевода Каткова с оригиналом: я буду писать о «Ромео и Юлии» (XII, 18,

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. т. II, стр. 439. Изд-во АН СССР. М. 1953—1957 гг. Все последующие ссылки на это издание обозначаются в скобках при цитате, римской цифрой — том этого издания, а арабской — страница.

письма, декабрь — январь 1840—41).
(Везде подчеркнуто нами (И. Г.).

«Прочел», «читаю», «опять прочел вслух», «комедию Шекспира мне очень интересно прочесть» (XI, 455, февраль 1840) «буду писать». Письма Белинского свидетельствуют о постоянном внимательном изучении Шекспира, о восхищении им.

«У меня теперь три бога искусства, от которых я почти каждый день неистовствую и свирепствую: Гомер, Шекспир, и Пушкин», — писал Белинский Панаеву в августе 1839 года (XI, 374).

Имя Шекспира становится для Белинского мерилем художнической гениальности: так, Грибоедов — «Шекспир комедии», Бетховен — «Шекспир музыки», Пушкин — «Шекспир нового мира».

Шекспиром Белинский часто пользовался для выражения своего отношения к тем или иным событиям общественной жизни:

«Горе вашей петербургской братьи, — писал он Панаеву о петербургских литераторах, — горе всем этим маленьким гениям, которые после смерти Пушкина напоминают собою слова Гамлета: «Отчего маленькие человечки становятся великими, когда великие переводятся?» (XI, 234, письма).

Посредством Шекспира выражалось затаенное:

«Есть у меня на душе многое, чего я никому не скажу.

...Особенно о Шекспире», — писал Белинский Боткину в июне 1840 года. И в этом же письме, жалуясь на то, что на них «обрушилось безалаберное состояние общества» и что поэтому их «души походят на дома, построенные из кокор — везде щели», — Белинский указывает на Гамлета, замечая, что только «пошляки» могут «не видеть проблисков великого в его ничтожности» (XI, 526—527, письма, июнь 1840).

В одном из писем к Боткину Белинский признается, что плачет над Офелией.

«О, Офелия, о бледная красота севера, голубка, погибшая в вихре грозы!.. Мочи нет — слезы рвутся из глаз. Стыдно — у меня теперь в комнате сидит чиновник, мой родственник — человек

предания и субстациональных стихий общества» (XI, 27, письма, март 1841).

Он «вспоминает Офелию — точно знакомое, близкое, дорогое ему лицо», — комментирует эти строки из письма Белинского его биограф А. Н. Пыпин¹.

И это было действительно так: мир Шекспира был для Белинского более реальным, близким и родственным ему, чем реально существующий мир «субстациональных стихий общества», — мир родственника-чиновника.

«Непреложную реальность и истинность»² шекспировского мира отмечали и друзья Белинского, сочувствуя всем сердцем героям Шекспира.

«Я сейчас возвратился с «Гамлета», и, поверишь ли, не токмо слезы лились из глаз моих; но я рыдал, — писал Герцен жене 18 декабря 1839 года, — ...безумная Офелия была хороша. Что это за сила гения так уловить жизнь во всей необъятности ее от Гамлета до могильщика»³.

«Вы не можете себе представить, как действует на меня эта безумная Офелия», — восклицал в письме к невесте Л. А. Бакуниной Станкевич. И рассказывая о том, что Белинский объясняет такое восприятие им Офелии тем, что она напоминает ему ее, Бакунину, Станкевич заключает: «но что же удивительного? Шекспировские лица очень часто встречаются в свете»⁴.

Особенный интерес Белинского к Шекспиру в конце 1839 — начале 40-х годов объясняется тем, что в годы, когда «в горниле духа вырабатывалось самобытно значение великого слова действительности», произведения «поэта действительной жизни», «мирообъемлющего» Шекспира способствовали этому процессу: Шекспир не только помогал отходу от мира идеального и призрачного, но и был тем писателем, который

¹ А. Н. Пыпин, «В. Г. Белинский. Опыт биографии» — «Вестник Европы», 1875, т. 1, стр. 604.

² А. И. Герцен. Собрание сочинений. Изд-во АН СССР, т. XX, стр. 65.

³ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Изд-во АН СССР, т. XX, стр. 65.

⁴ «Переписка Николая Владимировича Станкевича». 1830—1840. Редакция и издание Алексея Станкевича, М., 1914, стр. 509.

не позволял оставаться в ложном убеждении по отношению к жизни. Именно поэтому в октябре 1840 года Белинский просит и умоляет Боткина оставить «идеальный мир» немцев и погрузиться в «мир практический» и Шекспира (XI, 562).

Именно поэтому каждое новое слово, статья, книга о Шекспире вызывают в Белинском сейчас особо страстное отношение.

Все, что в критике было несоответственного миру Шекспира, вызывало протест, все, что способствовало его раскрытию, встречало благодарность. Так, протест Белинского вызывали статьи о Шекспире гегельянца Ретшера¹, живой отклик — книга о Шекспире англичанки Джемсон².

Для Белинского вообще не существовало нейтральных тем, нейтральных областей. Даже в область художественного перевода вносил он весь пыл и всю страстность борца. С радостью встречал он каждый новый перевод шекспировских драм, торопил с переводами Каткова, просил Боткина «быть по снисходительнее» к переводчикам Шекспира — «благо переводят» (XI, 584, 1840), но вместе с тем резко критикует недостатки перевода «Гамлета» Полевым и сообщает Боткину, что со словарем в руках уличает «этого сквернавца в невежестве». «Ей-богу, переведи что-нибудь Полевой хоть с китайского — выучусь по-китайски в один вечер», чтоб только развенчать Полевого (XI, 516, письма, апрель 1840). Происходит это потому, что Полевой, изменивший своим переводным взглядам, теперь для Белинского «мерзавец, подлец первой степени», (XII, 7, письма, декабрь 1840), друг Греча, Булгарина, Сенковского, а им Белинский ничего не прощал, даже посредственного перевода Шекспира.

В 1837 году Полевой перевел на русский язык трагедию Шекспира «Гамлет». Белинский посвятил переводу специальную статью, называя его одной «из самых блестящих заслуг г. Полево-

¹ «Московский наблюдатель». 1838, т. XVII. «О философской критике художественного произведения».

² «Отечественные записки» 1841, т. XIV. «Характеры шекспировских женщин».

го в русской литературе» (II, 436). И даже то, что Полевой «в переводе сообразовался с публикой», Белинский считает его заслугой, ибо главное то, что перевод «утвердил «Гамлета» на русской сцене», «распространил славу Шекспира», дал Мочалову возможность выказать всю силу своего гигантского дарования» (II, 426). Белинский видел в переводе много недостатков, но это был вопрос второстепенный.

Но драмы, которые вскоре стал писать Полевой, бесталанные и урапатриотические, Белинский воспринял как измену Полевого не только своим переводным взглядам, не только друзьям, но и Шекспиру. «Он хочет состязаться с Шекспиром, и если не победить его, то не уступить ему — знай-де наших» (VII, 147).

«Г-н Полевой — это Шекспир публики Александринского театра... Шекспир не обольщался своею славой и смотрел на нее с улыбкою горького британского юмора; г. Полевой вполне умеет ценить пожатые им на сцене Александринского театра лавры» (VII, 12).

Полевой, по мнению Белинского, «пародирует» Шекспира. В «Уголино» он пародирует «Ромео и Юлию», в «Елене Глинской» — «Макбета» (VII, 23).

Теперь и перевод «Гамлета» представляется критику лишь «переделкою», «пародией» на великое создание Шекспира.

«Я могу простить ему, — писал Белинский Боткину о Полевом, — отсутствие эстетического чувства (которое не всем же дается), могу простить искажение «Гамлета», «ведь - с Ромео-то и Юлией из слабых произведений Шекспира»... но его дружба с подлецами, доносчиками...» (XII, 8, письма, декабрь 1840). И один из таких друзей действительно выступил в защиту Полевого.

В 1840 г. в «Пантеоне Русского и всех европейских театров» Ф. Булгарин выступил со своими «театральными воспоминаниями» юности¹.

¹ Ф. Булгарин. «Театральные воспоминания моей юности» — «Пантеон Русского и всех европейских театров», 1840, кн. I.

развязным тоном ментора Булгарин, по сути дела, сравнивает Шекспира и Полевого, отдавая предпочтение драмам последнего.

Эти «театральные воспоминания» возмутили Белинского особенно глубоко.

«Великие люди» на малые дела, которые, не будучи в состоянии понимать Шекспира, — пишет критик в обзоре «Репертуар русского театра» 1840 г., — добродушно уверяют публику, что он целиком не годится, что его надо переделывать, а в доказательство этой великой истины поставляют ей ежегодно по дюжине своих собственных изделий, столь превосходных, что не требуют переделок».

Мы привели здесь только один из эпизодов литературной борьбы за Шек-

спира, которую вел Белинский в начале 40-х годов, утверждая реалистический театр.

«Утвердить в России славу имени Шекспира, утвердить и распространить ее не в одном литературном кругу, но во всем читающем и посещающем театр обществе; опровергнуть ложную мысль, что Шекспир не существует для новейшей сцены, и доказать, напротив, что он-то преимущественно существует для нее», — вот что считал Белинский великой заслугой перед обществом.

Эти замечательные слова с полным основанием можно отнести и к самому Белинскому.

И. ГЕНИНА.